

Проект *Другой* в работе М.М. Бахтина

Моя тема это философия М. М. Бахтина. Здесь я сосредоточусь на отношения между „я“ и „другой“ в ранних работах.

„Я философ. Я мыслитель.“
„Ich bin Philosoph. Ich bin Denker.“

Это высказывание М. М. Бахтина (1895-1975) из разговора с филологом В. Д. Дувакиным и верно и сложно потому, что этот мыслитель, который считал себя философом, никогда не сформулировал свою философию.

С ходе моей диссертации я работаю над Первой философии Бахтина, которая осталась только как неоконченный проект. Я исследую в основном работу-фрагмент *К философии поступка*, чтобы описать концепцию другого в философии Бахтина. Кроме того я использую также труды как *Автор и герой в эстетической деятельности* или *Проблемы творчества Достоевского*.

Связь между этими трудами Бахтина, которые, по-видимому, являются исключительно литературоведческими теориями – и его ранним творчеством открывается не только в употреблении одного и того же → **стихотворения А. С. Пушкина**. Однако, они показывают изменения в терминологии, которые типичны для творчества Бахтина. Значение языка и литературы для Бахтина как философа он сформулирует в своем ранним творчестве:

„Язык исторически выростал в услужении участного мышления и поступка [...]. Для выражения поступка изнутри и единственного бытия-события [...] нужна вся полнота слова.“ (ФП. Стр. 34)

В дальнейшем я опишу несколько позиций и ассоциаций, которые я изучаю. Источники цитат находятся ниже на этой странице.

Проект первой философии

„Людам, желающим и умеющим участие мыслить [...] кажетсяб что философия, долженствующая решить последние проблемы (т. е. ставящая проблемы в контексте единого и единственного бытия в его целом) говорит как-то не о том.“
(ФП. Стр. 24, 25)

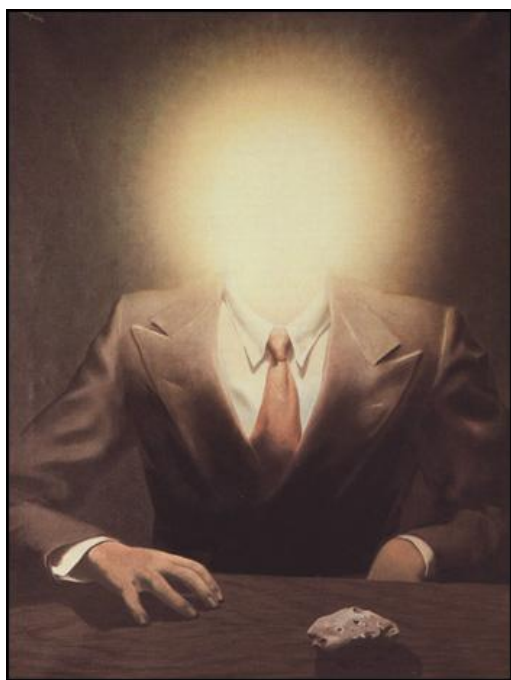
Бахтин подчеркивает необходимость онтологии или первой философии как основу нравственной философии, потому что эта философия должна изучать → **человека** как одно целое в его разнообразных отношениях, и не как абстрактное только возможное бытие. В конце *философии поступка* он описывает этот амбициозный проект:

„Жизнь может быть осознана только в конкретной ответственности. Философия жизни может быть только нравственной философией. Можно осознать жизнь только как событие, а не как бытие-данность. Отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии: она принципиально случайна и неукоренима.“ (ФП. Стр. 53)

Моральную философию он не сформулировал, но зато возможно найти не только в работе *философия поступка*, но и в работе *автор и герой* и в книге о Достоевском различные замечания о предмете первой философии: человек в его отношении к другим людям в пределах мира как место → **поступка**. Эта первая философия „может быть“.

Что такое человек?

Кант не был первым, который задавал этот вопрос, и каждый философ, наверни-ка, уже задал его. Тоже для Бахтина этот вопрос является центральным предметом его философии. Согласно его заявлению „с двенадцати-тринадцати лет, [...] уже начал читать серьезные классические книги. В частности, Канта [и] его *Критику чистого разума*“, которую он и понимал (Беседы. Стр. 28). Это уникальный отдельный человек, который находится в центре. Но только вместе с другими уникальными отдельными людьми он, кажется, является человеческой личности. Согласно Ханна Арендт Бахтинский человек понимается всегда в множественном числе.

René Magritte: Das Lustprinzip

Середина 1930-х годов явилась – несмотря на или из-за ссылки Бахтина в 1929 г. – его самым творческим периодом. В это время он написал свои знаменитые работы к теории романа, в 1940 году поданную диссертацию по теме Франсуа Рабле и книгу про истории воспитательного романа (*Bildungsroman*), которая сгорела в время немецкой бомбардировки. Как и в то же время созданной картине Магритта, человек описывается в литературном изображении как нечто, что наконец-то всегда скрывается. Описания Бахтина напоминают в этом смысле с начала 1920-х годов о речи Хайдеггера *непотаенность и потаенность* или об исполнении Сартра о бытии и небытии.

Уже названные мыслители понимают и небытие, которое является для Бахтина как *окончание бытия* или как *перед началом бытия* (см. → **Стихотворение Пушкина**), и „непотаенность и потаенность“ как „человеческий“ дуализм. Это противостоит понятием аналитиков и позитивистов, для которых $1 = 1$ и $0 \neq 1$. Облик человека у Бахтина динамичен, он не открывается аналитическому мышлению, „теоретизму“ (ФП. Стр. 19, 20). Специфика этого человека – в его уникальности – показана в книге Достоевского (1929):

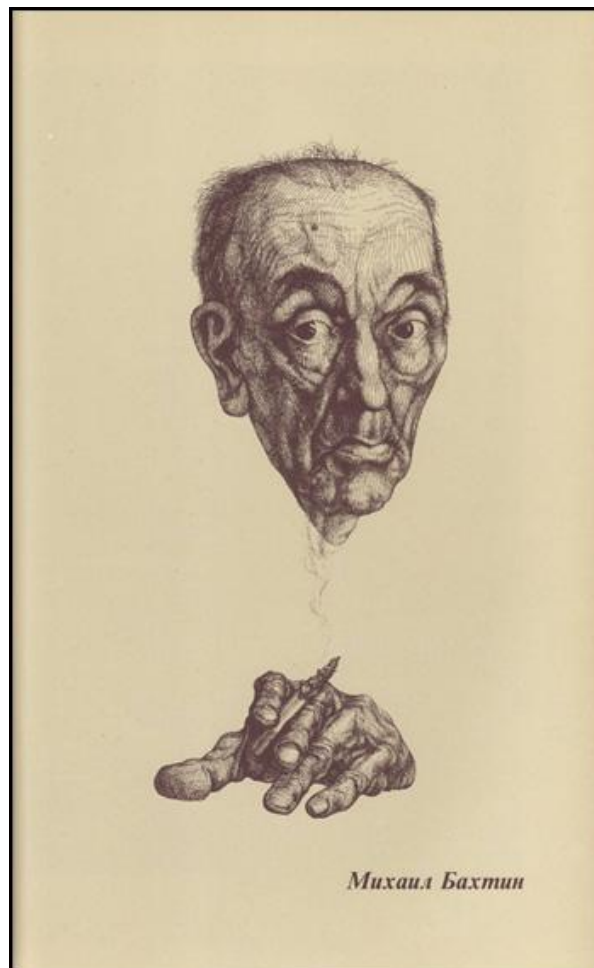
„ Человек никогда не совпадает с самим собой. **К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А.** По художественной мысли Достоевского, подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, ‘заочно’. Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя. Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, то есть заочная правда, становится унижающей и умерщвляющей его ложью, если касается его ‘святая святых’, то есть ‘человека в человеке’.“ (ПД. Стр. 100)

Поступок

„Принцип формальной этики вовсе не есть принцип поступка, а принцип возможного обобщения уже свершенных поступков в их теоретической транскрипции.“
(ФП. Стр. 31)

В центре фрагмента, который получил свое название *К философии поступка* только после смерти М. М. Бахтина, речь идет про поступке, который так же похож на категорический императив Канта как феномен падающего на голову Ньютона яблока на формула закона всемирного тяготения. Формула гравитации соответствует „принципу возможного обобщения“. Описание того, каким образом возможно было, что яблоко упало на голову Ньютона и описание других вещей, которые относятся к этому как эквивалент – это соответствует „теоретическим транскрипциям“. Про обеих Бахтин не отказывает их значение:

„Нельзя отказать нашему времени в высокой заслуге приближения к идеалу научной философии. Но эта научная философия может быть только специальной философией, т. е. философией областей культуры и их единства в теоретической транскрипции изнутри самих объектов культурного творчества и имманентного закона их развития.“
(ФП. Стр. 25)

Михаил М. Бахтин. Литография. Юрий И. Селиверстов

Тем не менее, они, очевидно, принадлежат области гносеологии, которая сама по себе не составляет фундамент никакой этики:

„Весь теоретический разум только момент практического разума, т. е. разума нравственной ориентации единственного субъекта в событии единственного бытия.“ (ФП. Стр. 20)

Сближение с и отграничение от Канта

В позже изданном тексте Бахтин вновь подчеркивает принципиальную неприводимость областей эстетика, теория познания и этика с точки зрения характеристики эстетических феноменов и как критику формальной школы мысли. (Пхт. Стр. 276 и далее) Вместе они создают сферу культуры „в ее автономной причастности или в ее

причастной автономии“, в которой живет человек. (Пхт. Стр. 277) Но Бахтин критикует отождествление заявлений этих трех области.

Kant: Zeichnung in Schattenrißmanier von Puttrich um 1798

Этот подход уже вложен в фрагменте *К философии поступка* и начинается для Бахтина не с кем иным, как со самым Кантом:

„Категорический императив определяет поступок как общезначимый закон [...]. Поступок отброшен в теоретический мир с пустым требованием законности.“ (ФП. Стр. 30)

Строго говоря Бахтин обвиняет „категорического императива“ в том, что он совершает „категорическую ошибку“:

„Никакая практическая ориентация моей жизни в теоретическом мире невозможна, в нем нельзя жить, ответственно поступать, в нем я не нужен, в нем меня принципиально нет.“ (ФП. Стр. 17)

Истина, бытие и время

Бахтин также отличает на примере законов Ньютона *истинность* заявления, *истину* (теоретического) заявления и его *смысл*, который создается только при опознании поступка конкретного человека:

„Законы Ньютона были в себе значимы и до их открытия Ньютоном, и не это открытие сделало их впервые значимыми, но не было этих истин как познанных, приобщенных единственному бытию-событию моментов, и это существенно важно, в этом смысл поступка, их познающего.“ (ФП. Стр. 18)

И здесь Бахтин хочет обратить внимание на необходимость четкого разделения эпистемических и экзистенциальных или феноменологических аспектов. В основе лежит „коперниканское деяние Канта“, на которое он хочет напоминать. (PdH. стр. 40) Таким образом Бахтин наконец разоблачает видимо точные научные методы в их склонности к метафизике. Не только перед Богом как вечным существом ограниченность человеческого познания должна остановить, но и перед вечности истины, которая его превосходит как конечное (временное) существо:

„Грубо неправильным было бы представление, что эти вечные в себе истины существовали раньше, до их открытия Ньютоном, так, как Америка существовала до ее открытия Колумбом; вечность истины не может быть противопоставлена нашей временности – как бесконечная длительность, для которой все наше время является лишь моментом, отрезком.“ (ФП. Стр. 18)

Die Brüder Fritz und Martin Heidegger

Уже несколько лет перед опубликованием книги Хайдеггера *Бытие и время* Бахтин, на шесть лет моложе его, сформулировал между прочим в соответствии с Анри Бергсоном похожие мысли как Хайдеггер, которые он сформулирует в отношении литературы как „хронотоп“. Бахтин, кажется, предвосхищает мысли Мерло-Понти, который критикует недостаточное включение телесности в концепции Хайдеггера – еще до того времени, когда тот написал свое исследование бытия. Несмотря на многие параллели вопрос Хайдеггера о „смысле бытия“ вызвал, наверное, у Бахтина ту же критику так императив Канта:

„Смысл бытия, для которого признано несущественным мое единственное место в бытии, никогда не сможет меня осмыслить, да это и не смысл бытия-события.“ (ФП. Стр. 22)

Немного преувеличено возможно сказать: Шумит ли дерево, когда он одинокий падает в лесу, Бахтина не интересует. Не то ему важно как моральному философу, что я (или кто-то другой) *мог бы* или *не мог бы переживать*, но только то, что я *действительно переживаю*. Из этого определения „поступки“ следует метод Бахтина:

„Долженствование есть своеобразная категория поступления-поступка (а все, даже мысль и чувство, есть мой поступок), есть некая установка сознания, структура которой и будет нами феноменологически вскрыта.“ (ФП. Стр. 14)

Стихотворение Пушкина

[Разлука]

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час забвенный, в час
печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой –
А с ними поцелуй свиданья . . .
Но жду его; он за тобой . . .

I. Aiwasowski & I. Repin: A.
Puschkins Abschied vom Meer

[Abschied]

Für die Gestade deiner fernen Heimat /
verließeest du das fremde Land; / in der
unvergeßlichen Stunde, in der traurigen
Stunde / weinte ich lange vor dir. /
Meine erkaltenden Hände / versuchten,
dich zurückzuhalten; / mein Seufzen
bat, / die schreckliche Qual des Ab-
schieds nicht zu unterbrechen.

Doch von dem bitterm Kuß / rissest du
deine Lippen hinweg; / aus dem Land
der düsteren Verbannung / riefst du
mich in ein anderes Land. / Du sagtest:
»Am Tage unseres Wiedersehens /
unter dem ewig blauen Himmel. / im
Schatten der Olivenbäume, mein
Freund, / vereinigen wir uns aufs neue
in den Küssen der Liebe.«

Doch ach! dort, wo das Himmelsge-
wölbe / in blauem Glanz erstrahlt, / wo
der Schatten der Olivenbäume auf dem
Wasser lag, / entschliefest du im letzten
Schlaf. / Deine Schönheit, deine Qua-
len / verschwanden in der
Grabesurne – / und mit ihnen der Kuß
des Wiedersehens... / Aber ich warte
auf ihn: du bleibst ihm mir schuldig...

Alexander S. Puschkin: Gedichte. Russisch / Deutsch.
Übersetzt von Kay Borowsky und Rudolf Pollach. Anmerkungen von Kay Borowsky.
Nachwort von Johanna Renate Döring-Smirnov. Stuttgart 1998. S. 106 f.

Интерпретация

„Для развоплощенного безучастного субъекта
могут быть все смерти равны.
Но никто не живет в мире,
где все люди ценностно равно смертны [...].“
(ФП. Стр. 47)

С одной стороны теоретическое бытие, простая возможность различается от реального, живого бытия, с другой стороны позиция, в которой я в бытии нахожусь, различается фундаментально от позиции противоположного лица. При феномене смерти и тот и другое ощутимо. Чтобы проиллюстрировать разницу позицией отдельных участников в бытии Бахтин использует стихотворение А. С. Пушкина „[Разлука]“.

Пушкин обрабатывает в этом стихотворении смерть любимой его Амалией Ризнич. Герой и героиня стихотворения образуют соответственно центр фона значений. Ее окружен его фона (значений). Описывается ее обещание встречи и ее смерть в ему далекой родине Италии.

Ее (собственная) смерть для нее не существует, но для него она является важнейшим событием в ее (с его точки зрения) и его жизни, событием, которое для него заканчивает ее жизнь. Все, что мы про нее узнаем, мы узнаем от него. Это его

последние слова отнеси к ней, которые окончательно оценивают ее жизнь, они имеют его эмоциональный оттенок.

Выражение „далекая родина“ вызывает эффект „сложного повествования“ в стиле *Дон Кихот* или *Тысяча и Одной ночи*: представление героини в ее родине Италии окружен для читателя представлением героя, далеко от нее в России. Это *его* представление от нее в его мыслях. В конце стихотворения она принимает участие совсем как отсутствующая – она *больше* для него *не существует*. Опыт ее смерти, ее отсутствию остается лишь ее любителем как другим человеком. Бахтин писал: „Здесь взаимопроникновение и единство событий при ценностной неслиянности контекстов.“ (ФП. Стр. 62)

Одиночество получает свою значительную напряженность лишь при присутствии неприсутствующего (человека). Это выясняется при рассмотрении картины художника Айвазовского и Репина (единственная картина Айвазовского, на котором человек не только производит впечатление быть реквизитом чтобы представлять море, но равноправным сюжетом как и природа). Таким же образом как в стихотворении Пушкина эмоционально-волевое значение – по словам Бахтина – только возможно при взаимодействии природы, присутствующим и отсутствующим людей – „ты“ в стихотворении, любовница Пушкина на картине.

Теоретическая смерть человечества – аналитическое содержание: каждый человек смертен – нас не страгивает. Только мысль, что и я и мой *ближний умрем*, нас трогает. Бахтин писал: „о другом [...] пролиты все слезы, ему поставлены все памятники, только другими наполнены все кладбища [...]“ (АГ. Стр. 177). И таким же образом только я могу с моей точки зрения отсутствие одного человека заметить или его не забывать. Это „только я могу для него сделать“. (ФП. Стр. 42).

Литератур

Михаил М. Бахтин:

- *Работы 1920-х годов. Киев 1994. Содержит: К философии поступка.* [ФП]
- *Автор и герой в эстетической деятельности.* [АГ]
- *Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве.* [Пхт]
- *Проблемы творчества Достоевского. Москва 1994.* [ПД]
Беседы с В. Д. Дувакиным. В.: Михаил Михайлович Бахтин. Под ред. В. Л. Махлина. Москва 2010.
[Беседы]

Источники изображений

I. Aiwasowski und I. Repin. Abschied Alexander Puschkins vom Meer. 1877. Puschkin-Gedenkmuseum, St. Petersburg. [In: Iwan Aiwasowski. Maler des Meeres. Hrsg. von Ingrid Brugger. Ostfildern 2011. S. 125.]

Michail Bachtin. Lithographie von Jurij Seliverstov. [In: Georgij Gacev: Russkaja Duma. Moskva 1991. o. S.]

Immanuel Kant. Zeichnung in Schattenrißmanier von Puttrich um 1798 (Ausschnitt). Archiv für Kunst und Geschichte, Berlin. [Immanuel Kant: In Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Dargest. von Uwe Schultz. Reinbek bei Hamburg 1973. S. 48.]

Fotografie der Brüder Fritz und Martin Heidegger. [In: Martin Heidegger. Dargest. von Manfred Geier. Reinbek 2005. S. 12. Angabe im Quellennachweis: „Mit freundlicher Erlaubnis von Dr. Hermann Heidegger, Stegen“]

René Magritte: Das Lustprinzip (Le principe du plaisir (Portrait d'Edward James)), 1937. Chichester, Edward James Foundation. [In: Marcel Paquet: Rene Magritte. 1898-1967. Der sichtbare Gedanke. Köln u.a. S. 78]

Контакты

carinapape[at]posteo[dot]de